

КЛАССИКА ХХ

Хоть цилиндр золотой нахлобучь,
чтоб понравиться ей,
И копытом, как прыткий козленок,
стучи по ковру,
Чтоб вскричала: «Мой козлик,
мой фертик, о мой Гименей,
Без тебя я умру!»

Томас Парк Данвилье

Глава 1

В пору моей нежной юности отец дал мне совет, который я по сей день прокручиваю в голове.

— Когда ты захочешь кого-нибудь покритиковать, — сказал он, — вспомни о том, что ни у кого не было таких возможностей, как у тебя.

Он не стал развивать свою мысль, но наше «бурное» общение всегда отличалось немногословностью, и я смекнул, что за этим скрывалось нечто большее. Поэтому я склонен воздерживаться от любых суждений, и эта привычка побудила множество прелюбопытных душ открыться передо мной, но также сделала меня жертвой изрядного числа зануд. Нездоровый ум мгновенно распознает эту особенность в нормальном человеке и за нее цепляется, вот почему в колледже меня несправедливо обвиняли в политиканстве, так как я бывал посвящен в тайные переживания незнакомых и весьма буйных мужчин. Чаще всего я этих исповедей не жаждал — я нередко прикидывался спящим, чрезмерно занятым либо отчужденно-легкомысленным, когда по какому-то безошибочному признаку догадывался, что некое откровение замаячило на горизонте, — ибо подоб-

ные откровения молодых людей или по крайней мере обороты, в которые они их облачают, как правило, заимствованы, да еще с изъясном несомненно подавленных эмоций. Воздерживаться от суждений значит сохранять безграничную надежду. Я по-прежнему немного опасаясь кое-что упустить, если вдруг забуду эту заповедь, на что мой отец высокомерно намекал, и вот я высокомерно повторяю, что чувство элементарных приличий распределяется при рождении неравномерно.

А теперь, похвалившись своей терпимостью, я признаю, что она имеет свои границы. На чем бы наше поведение не зиждилось, будь то скала или зыбкая топь, с какого-то момента для меня это теряет смысл. Прошлой осенью я вернулся с Восточного побережья в родные края с ощущением, что мир необходимо привести к единому знаменателю и некой связующей морали раз и навсегда; довольно с меня бурных странствий по закоулкам чужих сердец. Вот только Гэтсби, чья фамилия дала название этой книге, был исключением из правила — Гэтсби, который олицетворял собой все, к чему я питаю холодное презрение. Если личность складывается из непрерывной серии широких жестов, то в нем было нечто прекрасное, какая-то особая восприимчивость к тому, что нам сулит жизнь, он словно был одним из тех замысловатых механизмов, что регистрируют земные толчки за десятки тысяч миль. Эта восприимчивость не имела ничего общего с убогой впечатлительностью, каковой придают лоск под именем «творческого темперамента»; нет, то был необыкновенный дар надежды, романтическое пребывание во всеоружии, то, чего я боль-

ше ни в ком не встречал и, вероятно, уже никогда не встречу. В общем, Гэтсби под конец показал себя молодцом; скорее, приживалы Гэтсби, вся эта дрянь, что выплывала на поверхность по следам его мечтаний, на время погасили мой интерес к бесплодным людским печалям и недолговечной эйфории.

Моя состоятельная семья на протяжении трех поколений играла заметную роль в нашем городе на Среднем Западе. Каррауэи — своего рода клан, и легенда гласит, что мы потомки герцогов Баклю, однако основателем непосредственно моей линии был брат моего деда; он приехал сюда в одна тысяча восемьсот пятьдесят первом, послал воевать на Гражданскую войну кого-то вместо себя, а сам открыл оптовую торговлю скобяными товарами, которую мой отец ведет и поныне.

Своего двоюродного деда я никогда не видел, но считается, что я похож на него — имея в виду довольно прожженного типа, чей портрет висит в кабинете отца. Университет в Нью-Хейвене я закончил в 1915 году, ровно через четверть века после отца, и вскоре принял участие в позднейшей тевтонской миграции известной как Большая война. Мне так полюбились контррейды, что домой я вернулся в состоянии возбуждения. Средний Запад, вместо того чтобы стать тихим прибежищем, показался мне захудалой границей вселенной — и тогда я решил отправиться на Восток и там освоить рынок ценных бумаг. Все, кого я знал, занимались ценными бумагами, и я подумал, что рынок как-нибудь выдержит еще одного бизнесмена. Мои тетушки и дядюшки, обсудив это, как если бы речь шла о выборе колледжа, в конце кон-

цов неуверенно сказали «Ну, что ж...» — с очень серьезными лицами. Отец согласился профинансировать меня в течение года, и после разных проволочек весной двадцать второго я перебрался на Восток, навсегда, как мне казалось.

Практичней было бы снять квартиру в городе, но стояла теплая пора, и я совсем недавно оставил мир больших лужаек и добросклонных деревьев, поэтому, когда молодой человек в офисе предложил мне снять на пару домик в близлежащем местечке, я ухватился за эту идею. Он нашел подходящий дом, обшарпанное бунгало из строительного картона за восемьдесят долларов в месяц, но в последнюю минуту фирма отправила его в Вашингтон, и я поехал на высылки один. У меня был пес, по крайней мере несколько дней, пока он не убежал, старенький «додж» и прислужница-финка, которая меняла мне постель и готовила завтраки, бормоча над электроплитой финские премудрости.

Пару дней я чувствовал себя одиноко, пока однажды утром какой-то человек, приехавший сюда позже, не остановил меня на дороге.

— Не подскажете, как добраться до деревни Уэст-Эгг? — в растерянности спросил он.

Я подсказал. И дальше уже шагал, не чувствуя одиночества. Я был проводником, землепроходцем, первопоселенцем. Он мимоходом даровал мне свободу близкого соседства.

И тут, под ярким солнцем и буйной листвой, — с такой быстротой все разрастается на киноэкране, — я поверил, как бывало, что вместе с этим летом жизнь начинается заново.

Мне предстояло столько всего прочесть, а сколько здоровья обещал новорожденный живитель-

ный воздух. Я накопил дюжину книг о банковском деле, кредитовании и безопасном инвестировании, и они стояли на полке, в красных и золотистых обложках, как только что отчеканенные монеты, готовые раскрыть ослепительные тайны, известные исключительно Мидасу, Моргану и Меценату. Я твердо намеревался, помимо этих, прочесть еще множество других книг. В колледже я показал себя литературно подкованным студентом — в течение года написал серию весьма серьезных, пусть и неоригинальных, редакционных статей в «Йельские новости», — и сейчас я рассчитывал снова окунуться в эту атмосферу и окончательно превратиться в представителя самой узкой специальности — во «всесторонне образованного человека». Это не острота — если на то пошло, жизнь выгоднее всего рассматривать из одного окна.

По чистой случайности я снял дом в удивительнейшем уголке Северной Америки, на одном из двух вызывающе торчащих, хотя по-своему изящных островов к востоку от Нью-Йорка, необычных образованиях суши среди прочих национальных достопримечательностей. В двадцати милях от города — такая пара огромных яиц совершенно одинакового контура, благопристойно отделенные бухточкой, вылезшие из самого окультуренного пространства соленой воды в Западном полушарии, валяющиеся, можно сказать, на плавучем скотном дворе Лонг-Айлендского пролива. Это не идеальные овалы — подобно Колумбову яйцу, у обоих срезаны соединенные макушки, — но их природная идентичность должна постоянно сбивать с толку носящихся над ними чаек. А для бескрылых существ куда более поразитель-